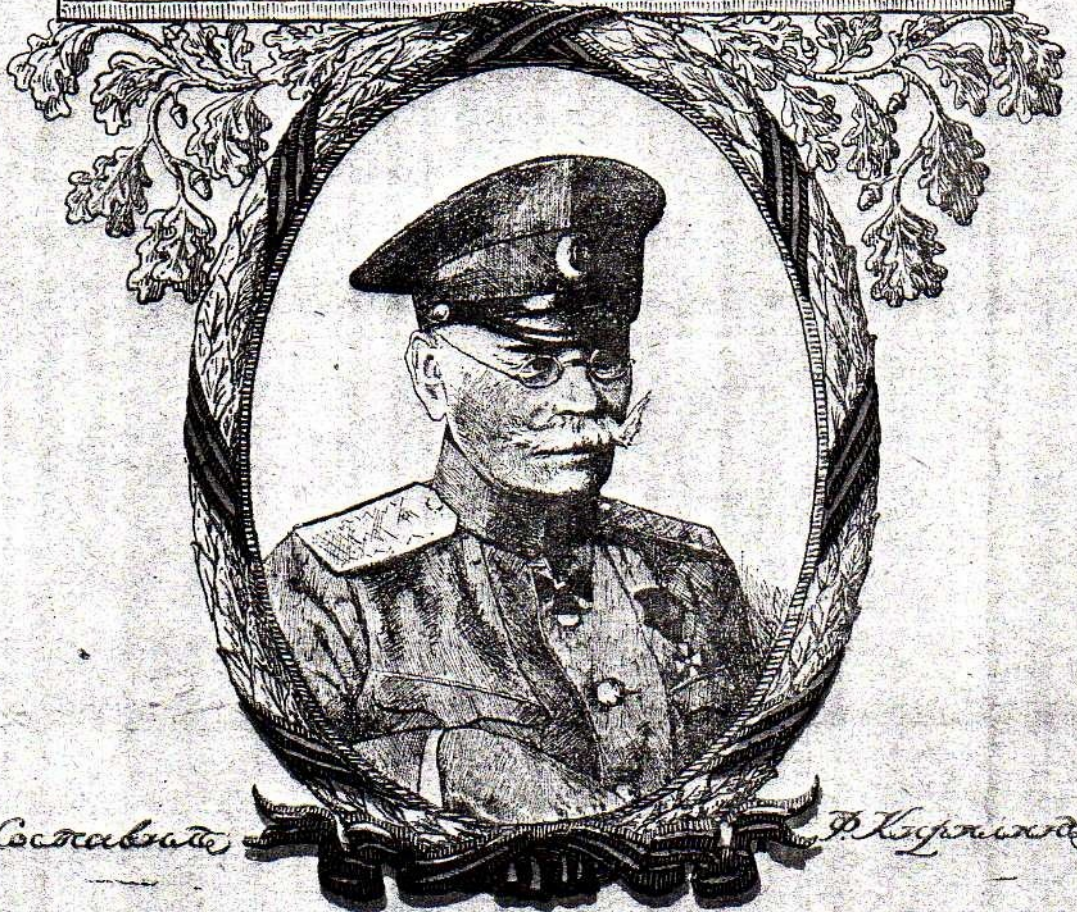

ОСНОВАТЕЛЬ И ВЕРХОВНЫЙ РУКОВОДИТЕЛЬ
ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

ГЕНЕРАЛЪ
МИХАИЛЬ ВАСИЛЬЕВИЧЪ
АЛЕКСѢЕВЪ

Составитель

Р. Курмановъ

Ф. КИРИЛИНЪ

Основатель и Верховный Руководитель Добровольческой Арміи

ГЕНЕРАЛЬ

М. В. АЛЕКСѢЕВЪ.

РОСТОВЪ НА ДОНУ.

1919.

Генераль М. В. Алексѣвъ,

Основатель и Верховный Руководитель Добровольческой Арміи.

Теперь, когда Добровольческой арміей заняты уже Киевъ, и недалекъ тотъ моментъ, когда Добровольческая армія войдетъ въ сердце Россіи—Москву, откуда громкій ея голосъ раздастся по всей Руси Великой, созывая лучшихъ людей для устройства своей Родины, невольно обращаемся мыслью къ тому, чей прахъ покоится въ полутемныхъ сводахъ Екатерининскаго собора въ Екатеринодарѣ.

Создатель Добровольческой арміи, ея Вождь, положившій для новой Россіи твердый фундаментъ, генераль Михайль Васильевичъ Алексѣвъ—былъ Великій Человѣкъ, всю жизнь свою положившій на служеніе горячо любимой Родинѣ. Происходя изъ семьи бѣднаго армейскаго офицера, онъ прожилъ все свое дѣтство и даже большую половину своей жизни въ лишеніяхъ. Рано узнавши нужду и съ дѣтства приучивши себя къ труду, М. В. развилъ въ себѣ полную работоспособность, работая ежедневно чуть ли не 16 часовъ. Въ дѣтствѣ своемъ онъ не проявилъ особыхъ способностей и даже не окончилъ гимназію, но съ годами умъ его развился, и къ половинѣ своей жизни онъ изъ простаго армейскаго офицера сдѣлался профессоромъ Академіи и достигъ этого только однимъ своимъ трудомъ и своими способностями, никому не обязываясь. Прямой, трудолюбивый, отзывчивый ко всѣмъ нуждамъ другихъ, глубоко религіозно-убѣжденный и неподкупной честиности человѣкъ,—вотъ какимъ былъ генераль Алексѣвъ. Нахлынувшая волна революціи и происшедшій отъ этого развалъ глубоко поразили покойнаго. Но не такой былъ человѣкъ М. В., чтобы опустить передъ несчастьемъ руки, и онъ задумалъ спасти свою Родину, онъ положилъ все для этого и отдалъ за это „последнее дѣло“—даже жизнь.

Скоро, скоро наступитъ тотъ моментъ, когда освобожденная отъ ужасовъ большевизма Родина вздохнетъ свободно и съ благодарностью вспомнитъ своего освободителя.

Въ одномъ изъ приказовъ по 64 пѣхотному Казанскому полку за 1857 годъ объявляется: „Штабсъ-капитанъ Алексѣвъ рапортомъ донесъ, что у него родился сынъ Михайль. Переимену эту внести въ послужной списокъ Шт.-кап. Алексѣва“. Вотъ первая свѣдѣнія о появленіи на свѣтъ Михаила Васильевича Алексѣва, бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго, Основателя и Верховнаго Руководителя Добровольческой арміи, доблестно ведущей въ настоящее время борьбу съ большевиками и стремящейся создать опять Великую Недѣлимую Россію на новыхъ началахъ, на благо всѣхъ народовъ, входящихъ въ составъ Россіи.

Дѣтство Михаила Васильевича протекало въ обстановкѣ бѣднаго армейскаго офицера въ г. Вязьмѣ, одномъ изъ маленькихъ уѣздныхъ городовъ, гдѣ въ то время стоялъ 64 Казанскій полкъ, и прошло совершенно незамѣтно. Единственно можно отмѣтить одинъ несчастный случай, когда

мальчикъ упалъ и переломилъ себѣ носъ. Ученіе въ гимназіи, куда былъ отданъ Михаилъ Васильевичъ, шло не особенно блестяще, и будущій Верховный Вождь Россіи особыхъ успѣховъ не оказывалъ и, не окончивъ курса гимназіи, поступилъ по экзамену вольноопредѣляющимся во 2-й Гренадерскій Ростовскій полкъ, оттуда въ Московское Юнкерское училище. Въ училищѣ ученіе пошло гораздо лучше, и Михаилъ Васильевичъ окончилъ училище по 1-му разряду, однимъ изъ первыхъ, что въ то время было очень трудно, такъ какъ по 1-му разряду оканчивало не болѣе 5—10 человекъ. По окончаніи училища выпущенъ былъ подпрапорщикомъ и вскорѣ былъ произведенъ въ прапорщики съ переводомъ въ свой родной 64-й Казанскій полкъ, съ которымъ и пошелъ въ Турецкій походъ въ 1877 г. Уже при выходѣ изъ училища и въ походѣ Михаилъ Васильевичъ сталъ проявлять недюжинныя способности, что было не разъ отмѣчено начальниками и въ томъ числѣ незабвеннымъ Михаиломъ Дмитриевичемъ Скобелевымъ; у начальства М. В. былъ однимъ изъ лучшихъ офицеровъ, а товарищами-однополчанами за сердечное и простое отношеніе ко всѣмъ былъ любимъ; и, дѣйствительно, тихій, скромный, религіозный, вдумчивый, отзывчивый, готовый всегда придти на помощь другому въ трудную минуту, крайне заботливый къ своимъ подчиненнымъ, Михаилъ Васильевичъ невольно привлекалъ сердца всѣхъ, кто только съ нимъ сталкивался.

Во время войны Михаилъ Васильевичъ былъ сперва назначенъ баталіоннымъ, а потомъ полковымъ адъютантомъ, при чемъ и на этой должности проявилъ себя какъ отличный офицеръ. За періодъ кампаніи 1877—1878 гг., которую Михаилъ Васильевичъ провелъ отъ начала до конца, онъ былъ награжденъ боевыми орденами (св. Стан. 3 ст. и Анны 3 и 4 степ.). Какъ характерный показатель скромности, можно указать на раненіе Михаила Васильевича, который въ одномъ изъ боевъ былъ раненъ въ палецъ, но объ этой ранѣ никому не сказалъ и вообще считалъ это такимъ пустякомъ, о которомъ и говорить не стоить.

По возвращеніи изъ похода, будучи полковымъ адъютантомъ, Михаилъ Васильевичъ сталъ дѣятельно готовиться въ Академію Генеральнаго Штаба, сознавая, что только будучи всесторонне образованнымъ и имѣя служебныя и боевой опытъ, можно принести большую пользу своей Родинѣ. Произведенный за отличіе въ штабъ-капитаны, онъ былъ назначенъ командиромъ роты.

Командуя ротой и не оставляя своихъ занятій по подготовкѣ въ академію, Михаилъ Васильевичъ и на новой должности рѣзко проявилъ свои способности, отдавая все свое время и опытъ на обученіе своей роты и своихъ офицеровъ, что было совершенно ново въ то время. Онъ не ограничивался, какъ другіе, казенными часами и установленной программой и обучалъ и развивалъ людей по мѣрѣ возможности и потихоньку отъ всѣхъ, въ неслужебные часы и по праздникамъ, собирая только желающихъ, а желающихъ были всѣ въ ротѣ, да и не только свои, приходили люди и изъ другихъ ротъ послушать бесѣды Михаила Васильевича. А бесѣды были просты, интересны и увлекательны, и всѣ слушатели, которыхъ не вмѣщала сборная комната, старались послушать хотя бы черезъ открытое окно. Это не были лекціи, это не были уроки, а были бесѣды; люди это понимали хорошо и, несмотря на кажущуюся суровость Михаила Васильевича, слушатели свободно задавали разные вопросы и всегда получали простые и вполне исчерпывающіе отвѣты. Бесѣды велись по всѣмъ отраслямъ, и долго объ нихъ никто не зналъ, не знали даже и свои младшіе офицеры. Объ этихъ бесѣдахъ я лично узналъ случайно, будучи въ ротѣ младшимъ офицеромъ. Однажды я велъ роту съ ученія и разговаривалъ съ людьми; погода была хмурая; думая, что вотъ пойдетъ дождь, мы прибавили шагъ, а въ это время блеснула молнія, и послѣдовалъ громовой ударъ; я, желая пошутить, сказалъ: «вотъ Ильѣ

пророкъ проѣхаль". На это идущій рядомъ со мной солдатъ отвѣтилъ: „никакъ нѣтъ—это электричество“, и когда я, желая провѣрить его, сознательно ли онъ это говоритъ, сказалъ ему: никакого электричества тутъ нѣтъ, а ѣдетъ Илья пророкъ на огненной колесницѣ, и искры сыплются, искры—молнія, а грохотъ колесницы—громъ, то солдатъ (мнѣ было извѣстно, что онъ почти неграмотный и деревенскій житель) весьма обстоятельно объяснилъ мнѣ происхождение грома и молніи.

Заинтересовавшись этимъ, я спросилъ: „откуда ты это узналъ?“ „Ротный командиръ намъ на бесѣдѣ говорилъ“, былъ отвѣтъ. И только тогда я, младшій офицеръ роты, узналъ, что каждый праздникъ ротный командиръ ведетъ бесѣды. На бесѣды идутъ всѣ, кто хочетъ, и даже изъ другихъ ротъ. Другой случай изъ жизни моей въ ротѣ Михаила Васильевича былъ такой.

Былъ конецъ апрѣля 1886 г. Я былъ офицеромъ первый годъ и недавно прибылъ въ полкъ, который стоялъ въ маленькомъ еврейскомъ городкѣ Кобринѣ, Гродненской губ. Погода стояла хмурая; мнѣ, какъ уроженцу г. Петрограда, вообще было крайне тяжело жить въ такомъ захолустѣ, и я, будучи на занятіяхъ, немного захандрилъ и былъ разсѣянъ. Подходить Михаилъ Васильевичъ и, какъ теперь помню его съ добрымъ проницательнымъ взглядомъ его голубыхъ глазъ, сердечнымъ голосомъ говорить: „что зарустили, Ф. И., идите-ка домой, возьмите ружье и походите по болоту, грусть какъ рукой сниметь. (Я былъ крайне удивленъ подобнымъ совѣтомъ и еще больше тѣмъ, что ротный командиръ зналъ, что у меня была маленькая страсть къ охотѣ). Корниенко! ступай съ подпоручикомъ на охоту, ты знаешь хорошія мѣста“. Корниенко былъ любитель охоты въ ротѣ. Я сталъ отказываться, отговариваясь службой, но М. В. все таки прогналъ меня съ занятій. Пошелъ я съ Корниенко, побродилъ по болоту, принесъ пару куликовъ, а ночью никакъ не могъ заснуть, все думалось: вѣдь и раньше со мной были припадки грусти, но раньше другіе командиры не только не заботились разогнать мною грусть, а не стѣснялись въ такихъ случаяхъ дѣлать мнѣ замѣчаніе, что я разсѣянъ, и напоминали, чтобы я былъ внимательнѣе къ своимъ обязанностямъ; почему же М. В. поступилъ иначе? И въ душѣ зашевелилось глубокое чувство благодарности къ нему, который понялъ меня и отнесся ко мнѣ по-отечески. Послѣ этого я съ особеннымъ рвеніемъ проводилъ всѣ занятія, а самъ М. В. ни разу не вспомнилъ объ этомъ, видимо, не желая вызывать меня на благодарность.

Вотъ какъ понималъ М. В. людей, какъ входилъ въ ихъ жизнь, готовый каждую минуту притти на помощь ближнему и въ то же время отстраняя самого себя и совершенно ступевываясь, при чемъ спокойствіе никогда не покидало его, въ особенности въ крайнихъ или опасныхъ случаяхъ.

Я помню такой случай: была пристрѣлка, пристрѣливали со станка Ливчака, патроновъ давали мало и берегли ихъ. Самъ М. В. былъ у мишени, и пристрѣлку вели два старшіе офицера въ ротѣ. М. В. отмѣчалъ на мишеняхъ треугольники, я со своимъ взводомъ занимался тутъ же. Поручикъ С—ій выпустилъ три пули. М. В. подошелъ къ мишени:—2 попали хорошо, а одна отскочила. Не желая тратить патроны, М. В. крикнулъ С—му: „выпустить одну пулю!“ и отошелъ въ сторону. С—ій, разговаривая, не слушала приказанія, заложилъ другой патронъ, выпустилъ его и, не глядя на мишень, машинально заложилъ другой патронъ, выпустилъ и его. Въ это время раздался голоса: „Ротнаго убили!“ С—ій взглянулъ на мишень и видитъ: у мишени стоитъ М. В. С—ій упалъ въ обморокъ. Но на счастье нашей Родины Богъ хранилъ М. В.; видно, судьбѣ необходимо было сохранить жизнь его для болѣе славныхъ дѣлъ. Что-жъ оказалось? М. В. отдалъ приказъ выпустить одинъ патронъ, послѣ выстрѣла подошелъ къ мишени и сталъ искать пробоину, упершись кистями рукъ въ бока, не думая, что послѣдуетъ второй выстрѣлъ, и въ то же время, когда онъ смотрѣлъ, раздался второй выстрѣлъ,

и пуля прошла въ сгибѣ правой руки между рукой и тѣломъ. Увидя, что ротный живъ, вся рота радостно вскрикнула: „Слава Богу, Ротный живъ!“ и, снявъ шапки, всё перекрестились. А онъ? Онъ тоже снявъ шапку, перекрестился и сказалъ спокойно: „Казимиръ Брониславовичъ, надо быть внимательнѣе!“ но видя, что у станка замѣшательство, быстро подошелъ къ С-му и сталъ его же успокаивать. Хотя М. В., какъ я уже сказалъ, отличался спокойствіемъ, но иногда и онъ терялъ терпѣніе и, какъ тогда говорили, „сгрывался съ нарѣзвѣ“. Это бывало обыкновенно послѣ праздниковъ, когда люди послѣ перерыва занятій на нѣсколько дней не всегда были внимательны, и ученье шло не такъ, какъ надо.

Тогда М. В., выйдя изъ себя, кричалъ, топалъ ногами, дисциплинарныя взысканія сыпались одно за другимъ, и всёмъ казалось, что наступить что-то невѣроятное; голосъ М. В. звучалъ громче, визгливѣе, и тогда рота понимала, что ротный окончательно извелся, напрягала все свое вниманіе и стараніе, и ученіе понемногу становилось лучше и лучше.

Этотъ моментъ М. В. быстро схватывалъ, ловилъ его, и его душевное „спасибо, молодцы“, быстро дѣлало свое дѣло: громкій отвѣтъ—„Рады стараться, В-Б-іе“, ровная твердая нога и равненіе быстро являлись въ ротѣ, и рота, еще поучившись 10—15 минутъ, чуяла, что ротный видитъ, что они стараются, и что гнѣвъ его уже прошелъ.

Дѣйствительно, сейчасъ же раздавался уже спокойный голосъ М. В.: „Ну, все забыто, домой, пѣсню!“ и рота, радостно запѣвая пѣсню, бодро шла домой, зная, что дѣйствительно все забыто.

Въ 1886 г., передъ большими маневрами въ Высочайшемъ присутствіи, были подвижные сборы подъ г. Вѣлостокомъ, и во время этихъ сборовъ прибыли командиръ корпуса ген. Петрушевскій и Начальникъ Академіи Генеральнаго Штаба ген. Драгомировъ. Генераль Петрушевскій зналъ, что штабсъ-капитанъ Алексѣевъ готовится въ Академію, и, представляя офицеровъ нашего полка, подойдя къ М. В., сказалъ генералу Драгомирову: „Михаилъ Ивановичъ, вотъ штабсъ-капитанъ готовится къ тебѣ въ Академію, возьми его, прекрасный будетъ офицеръ Генеральнаго Штаба, въ ноги мнѣ потомъ поклонись“. „Что же, буду очень радъ имѣть такого офицера“, отвѣтилъ генераль Драгомировъ, и, дѣйствительно, въ слѣдующемъ году М. В. попалъ въ Академію, куда и поступилъ въ числѣ перваго десятка. М. В. поступилъ въ Академію не юношей, пробывъ требуемый цензъ 3 года, какъ это обыкновенно дѣлается, а прослуживъ въ строю 12 лѣтъ, отбывъ кампанію и прокомандовавъ 4 года ротой, имѣя прекрасный строевой цензъ, что впоследствии и сказалось при всѣхъ его работахъ, въ которыхъ не было ничего отвлекающаго, всё его разсужденія и выводы построены на его личномъ опытѣ, и потому всё они были всегда цѣнны.

При поступленіи въ Академію былъ характерный случай, рисующій М. В., какъ человѣка въ высшей степени самолюбиваго и щепетильнаго. Во время экзаменовъ жилъ М. В. на Екатерининскомъ каналѣ противъ Казанскаго Собора въ меблированныхъ комнатахъ; рядомъ съ нимъ въ помѣщеніи жилъ поручикъ Бор-въ, его однополчанинъ. М. В. въ это время усиленно занимался и часы досуга, которые у него бывали очень рѣдко, употреблялъ на хожденіе въ церковь и на необходимыя прогулки, чтобы немного освѣжиться. Экзамены шли хорошо, оставались одни уставы. Не давался М. В. билетъ № I изъ кавалерійскаго устава, и онъ его зналъ очень плохо, а однополчанинъ его Б., у котораго экзамены шли также недурно, передъ экзаменомъ устава кутнулъ въ „Аркадію“ и пришелъ домой только подъ утро. Въ это время М. В. уже сидѣлъ и занимался. Въ разговорѣ съ Б. онъ сказалъ, что ему никакъ не удастся билетъ № I по кавалерійскому уставу, а остальное все знаетъ. И что же: на экзаменѣ получилъ по общимъ, пѣхотнымъ и артиллерійскимъ уставамъ по 12, вынимаетъ по кавалерійскому уставу—би-

летъ № 1. Не желая давать плохой отвѣтъ, М. В. отказывается. Экзаменаторъ говоритъ ему: „Ну, отвѣчайте, какъ знаете, другого билета мы вамъ дать не можемъ“. На это М. В. говоритъ: „я все знаю, кромѣ этого билета, а отвѣчать плохо не считаю для себя возможнымъ и потому отказываюсь“. По кавалерійскому уставу поставили ему 0—средній баллъ по уставамъ оказался 9. Этотъ случай произвелъ глубокое впечатлѣніе какъ на экзаменаторовъ, такъ и на экзаменующагося и невольно вызвалъ къ нему общее уваженіе.

Кончилъ Академію М. В. первымъ, получилъ Милютинскую премію, и только зависть генерала Сухотина лишила М. В. вполне заслуженной имъ золотой медали и почетной надписи на мраморной доскѣ въ Академіи Генеральнаго Штаба. Это была крайняя несправедливость со стороны ген. Сухотина. Уже при прохожденіи курса въ Академіи проявлялся у М. В. глубокой, пытливый и всесторонній умъ, всѣ его задачи и темы были одними изъ лучшихъ и поражали глубиной его познаній, а сочиненіе о пользѣ лагерей, по заявленію Начальника Академіи Генеральнаго Штаба, Генерала Леупа, считалось образцовымъ и было сдано въ музей, какъ образецъ краткаго, яснаго и глубокаго изслѣдованія.

По окончаніи Академіи М. В. женился на дочери своего батальоннаго командира Аннѣ Николаевнѣ Пироцкой, нынѣ здравствующей и оказывающей самую широкую помощь всѣмъ чинамъ Добровольческой арміи, состоя предсѣдательницей Комитета Скорой помощи, и имя ея такъ же, какъ имя незабвеннаго Михаила Васильевича, пользуется широкой популярностью среди чиновъ Добровольческой и Кавказской армій и вызываетъ у всѣхъ чувство глубокаго уваженія.

По окончаніи Академіи М. В. отбылъ лагерный сборъ при штабѣ Гвардейскаго корпуса, но съ переводомъ въ Генеральный Штабъ получилъ назначеніе въ штабъ 1-го армейскаго корпуса. Неимѣніе средствъ къ жизни заставило М. В. взять уроки и быть преподавателемъ въ различныхъ училищахъ, сперва въ Петроградскомъ юнкерскомъ и Николаевскомъ кавалерійскомъ, а потомъ и въ Академіи Генеральнаго штаба, гдѣ на него было возложено веденіе тактическихъ задачъ. Занятія эти, вмѣстѣ съ исполненіемъ прямыхъ обязанностей офицера Генеральнаго Штаба, брали много времени и не давали М. В. возможности заняться творческой литературной работой; этимъ и объясняется отсутствіе его литературныхъ работъ, если не считать отдѣла Русско-Турецкой войны 1877 г., написаннаго Михаиломъ Васильевичемъ въ Исторіи 64 пѣхот. Казанскаго полка, и отчетовъ за первую половину Русско-Японской войны, чрезвычайно цѣнныхъ, какъ матеріалъ для составленія исторіи войны 1904—1905 г. Все свое свободное время онъ посвящалъ службѣ и составленію замѣтокъ для своихъ лекцій въ училищѣ, а потомъ въ Академіи. По отзывамъ его учениковъ, изъ которыхъ многіе въ настоящее время состоятъ въ генеральскихъ чинахъ, М. В. былъ очень интереснымъ лекторомъ и умѣлъ увлечь даже самыхъ нерадивыхъ учениковъ; всѣ его бывшіе ученики и теперь съ благодарностью и восторгомъ вспоминаютъ время ученія подъ руководствомъ М. В.

Примѣромъ можетъ служить рассказъ стараго офицера, бывшаго юнкера Николаевского кавалерійскаго училища.—„У насъ въ училищѣ считалось неприличнымъ говорить въ свободное время объ урокахъ и службѣ и считалось особымъ шикомъ опаздывать на занятія и особенно на съемки; всѣ партіи обыкновенно сильно запаздывали и собирались очень медленно, и руководители обыкновенно сами собирали юнкеровъ своей партіи; не то было въ партіи М. В.: еще задолго до прибытія М. В. партія всегда была въ сборѣ и ждала своего любимаго руководителя. На вопросы юнкеровъ другой партіи: „что вы, господа, такъ рано собираетесь?“—отвѣчали—„нельзя, у насъ Алексѣевъ“.

Это было достигнуто не применением взысканий или угрозъ, а только своимъ личнымъ примѣромъ, любовью, которую вкладывалъ М. В. въ каждое дѣло, порученное ему, и умѣніемъ увлечь другихъ во всякой работѣ.

Такіе же результаты были въ Академіи Генеральнаго Штаба: мнѣ приходилось слышать самыя восторженные отзывы о Мих. Вас., какъ руководителѣ, а многіе и сейчасъ съ чувствомъ глубокаго благоговѣнія вспоминаютъ отдѣльныя фразы М. В., сказанныя при разборѣ имъ задачъ. Такъ, одинъ офицеръ вспомнилъ, какъ М. В. при разборѣ его задачи, въ которой разъѣздъ вступилъ въ бой съ разъѣздомъ противника, сказалъ, что этого не должно дѣлать: „разъѣздъ, какъ вода въ рѣкѣ, встрѣтивъ камень: она его обтечетъ и не собьетъ“. Вотъ характерное и мѣткое опредѣленіе дѣятельности разъѣзда.

Недолго пришлось М. В. прослужить въ штабѣ 1-го армейскаго корпуса; съ производствомъ въ штабъ-офицеры онъ получилъ назначеніе въ Военно-Учебный Комитетъ Главнаго Штаба дѣлопроизводителемъ, гдѣ и состоялъ почти до самой Японской войны. Командный цензъ командованія баталіономъ онъ отбывалъ въ л.-г. гренадерскомъ полку.

Продолжая вести тактическія занятія въ Академіи Ген. Штаба, М. В. получилъ въ той же Академіи кафедру по военной исторіи и былъ назначенъ и.д. экстраординарнаго профессора по этой кафедрѣ, не имѣя никакихъ ученыхъ трудовъ. Это былъ единственный случай подобнаго назначенія. Черезъ годъ послѣ этого онъ былъ утвержденъ Конференціей Академіи въ званіи экстраординарнаго профессора, а потомъ—въ званіи ординарнаго и заслуженнаго профессора Академіи Генеральнаго Штаба, а при назначеніи Начал. Штаба Кіевскаго Воен. Округа былъ избранъ почетнымъ членомъ Конференціи Академіи Генер. Штаба.

Оглядываясь назадъ, мы видимъ, что сынъ бѣднаго армейскаго офицера, который не могъ окончить курсъ гимназіи, своимъ трудомъ добился такой высшей ученой степени и добился не съ помощью постороннихъ людей и протекціи, а единственно только своимъ трудомъ. Примѣръ небывалый и достойный уваженія, тѣмъ болѣе, что при такихъ тяжелыхъ условіяхъ труда прошла почти вся его жизнь: работать приходилось по 15-20 часовъ въ сутки, причемъ М. В. былъ всегда въ свободную минуту не мрачнымъ педагогомъ, а веселымъ и жизнерадостнымъ собесѣдникомъ. При дальнѣйшей службѣ въ Управленіи Генеральнаго Штаба и различныхъ его перестроеніяхъ М. В. оставался тамъ же на службѣ и передъ Японской войной былъ Начальникомъ Оперативнаго Отдѣленія Управленія Ген. Штаба, состоя одновременно членомъ различныхъ ученыхъ обществъ.

Я не буду останавливаться на различныхъ мелкихъ случаяхъ и полученныхъ имъ наградахъ, скажу только, что въ періодъ съ 1890 по 1904 годъ М. В. получилъ всѣ ордена (Ст. 2 ст., Анны 2 ст., Вл. 4-ой и Влад. 3-й), чинъ капитана, подполковника, полковника и—за отличіе—генерала-майора въ 1904 г. и 2 подарка по чину.

Наступившая Японская война застала М. В. въ должности Начальника Оперативнаго отдѣленія, и всѣ подготовительныя работы были произведены имъ. Ни для кого не тайна, что передъ началомъ войны съ японцами мы считали ихъ врагомъ далеко не опаснымъ и даже хвастливо говорили о будущахъ пріобрѣтеніяхъ послѣ войны. Въ томъ же духѣ былъ сдѣланъ докладъ военнаго министра и государю, но, кажется, только одинъ М. В. не раздѣлялъ этихъ радужныхъ надеждъ и остерегалъ другихъ отъ увлеченія. Его докладъ, составленный въ иномъ духѣ еще до войны, отличался глубокимъ знаніемъ нашего противника и точнымъ подсчетомъ силъ его, оказался пророческимъ и до мельчайшихъ подробностей вѣрнымъ по сличенію съ Японскими данными по окончаніи войны и еще разъ доказалъ глубокой умъ М. В.

Съ начала войны М. В. стремился на театръ военныхъ дѣйствій, но ближайшее начальство не соглашалось на это, и, дѣйствительно, М. В. не было

къмъ и замѣнить въ такое горячее время, время развертыванія армій и новыхъ формированій. Въ это время энергія, умъ и работоспособность М. В. принесли неоцѣнимую пользу Родинѣ. Только въ ноябрѣ 1904 г. М. В. получилъ назначеніе Генераль-Квартирмейстеромъ 3-ей Манджурской арміи, куда и отбылъ въ началѣ ноября. Нечего говорить, что при способностяхъ М. В. онъ былъ незамѣнимымъ работникомъ, и дѣла въ штабѣ быстро наладились, но М. В. не ограничился только штабной работой. Въ критическія минуты, какъ это было въ Февралѣ 1905 г. при прорывѣ нашего фронта, М. В. лично руководилъ и устраивалъ отступавшія части, и только благодаря его энергіи не развилось паники, и части отступили въ сравнительно хорошемъ порядкѣ. М. В. находился подъ огнемъ и рисковалъ жизнью. Подъ нимъ была убита лошадь, и самъ онъ силою взрыва былъ сброшенъ съ лошади, но и тутъ, какъ въ Турецкой войнѣ, по природной скромности онъ объ этомъ фактѣ умолчалъ. За періодъ войны съ Японіей М. В. былъ награжденъ орд. Св. Стан. 1 ст. съ мечами и золотымъ оружіемъ за сраженіе подъ Мукденомъ.

По окончаніи неудачной войны и Октябрьской революціи въ 1905 г. М. В. вернулся опять въ Петроградъ и занялъ мѣсто 2-го Оберъ-Квартирмейстера въ новопереформированномъ Управленіи Генеральнаго Штаба. Горячо принялся М. В. за свою работу: лично наблюдая всѣ наши недостатки во время войны, онъ изо всѣхъ силъ старался скорѣе исправить ихъ, мечтая о скоромъ реваншѣ.

Время съ 1905 по 1914 г. въ нашей арміи было періодомъ переобразованій, усовершенствованій, и новая война 1914 г. застала насъ если не вполне готовыми, то, во всякомъ случаѣ, значительно сильнѣйшими (въ особенности въ техническомъ отношеніи), чѣмъ при Японской войнѣ. Безусловно, всѣмъ этимъ Россія обязана творческой работѣ М. В., но личные счета многихъ старшихъ начальниковъ сильно тормозили многіе проекты М. В., и нѣкоторые изъ нихъ такъ и не были приведены въ исполненіе; а тѣ же, которые были проведены, прошли въ такомъ видѣ, что ничего общаго съ проектомъ М. В. не имѣли. За этотъ періодъ М. В. былъ награжденъ орд. Св. Анны 1-й ст. и откомандовалъ бригадой въ 23 пѣх. дивизіи во время лагернаго сбора.

Въ 1908 г. М. В. былъ назначенъ Начальникомъ Штаба Киевскаго Военнаго Округа, при чемъ при назначеніи онъ былъ произведенъ лично государемъ безъ представленія въ генераль-лейтенанты. При назначеніи на должность Начальника Штаба Киевскаго Военнаго Округа не было возбуждено ходатайство о производствѣ М. В. въ генераль-лейтенанты, но государь, утверждая награжденіе, собственноручно написалъ: согласенъ и съ производствомъ за отличіе по службѣ въ генераль-лейтенанты. Здѣсь, со свойственной ему энергіей, принялся М. В. за работу по подготовкѣ войскъ къ будущей войнѣ. Многое было сдѣлано единственно благодаря заботамъ М. В.: такъ, было обращено особенное вниманіе на болѣе тщательную подготовку строевого офицерскаго состава и офицеровъ Генеральнаго Штаба. Такъ, напримѣръ: устроены были при округѣ офицерскіе стрѣлковыя курсы для кандидатовъ на ротныхъ командировъ; на этихъ курсахъ будущіе ротные командиры приобрѣтали весьма цѣнныя познанія по управленію огнемъ роты и освѣжали познанія по тактикѣ. Обращено было очень большое вниманіе на рѣшеніе тактическихъ задачъ въ полѣ. Всѣ занятія по этой отрасли велись М. В. самолично и дали блестящіе результаты—въ періодъ войны на Галиційскомъ фронтѣ. Въ 1911 г. М. В. былъ назначенъ Командиромъ 13-го Армейскаго корпуса и въ короткое время быстро поставилъ корпусъ на должную высоту. Постоянно присутствуя при всѣхъ полевыхъ занятіяхъ, причемъ всегда и вездѣ требовалъ проявленія личной инициативы у начальниковъ, до взводнаго включительно, никогда не высказывалъ своего неудовольствія при неудачномъ проявленіи личной инициативы, а только, подробно указавъ на эти недостатки,

говорилъ: „разъ—плохо, другой разъ—лучше, а тамъ пойдетъ хорошо, надо только будетъ постоянно работать въ этомъ направленіи!“

При этой работѣ сказалось время пребыванія въ строю до Академіи и знаніе солдатъ, которыхъ ген. Алексѣевъ изучилъ вполне, живя съ ними вмѣстѣ 13 лѣтъ въ мирное и военное время. Онъ по опыту зналъ, что можно требовать отъ солдата и чего нельзя.

Въ своихъ требованіяхъ былъ всегда настойчивъ и никогда отъ своего не отступался, но былъ всегда высоко справедливъ, въ особенности къ младшимъ. Знаю такой случай: одинъ капитанъ былъ аттестованъ неудовлетворительно, послѣ ряда аттестацій отличныхъ. Генераль Алексѣевъ неоднократно лично провѣрялъ этого капитана, часто бывая на занятіяхъ, и не находилъ его роту плохой. Когда собралась аттестационная комиссія, и капитанъ этотъ долженъ былъ быть уволенъ со службы, такъ какъ былъ аттестованъ плохимъ 2 года подрядъ, генераль Алексѣевъ на совѣщаніи, состоявшемъ изъ высшихъ чиновъ корпуса, предложилъ назвать въ каждомъ полку лучшія роты и приказалъ вывести ихъ на плацъ; туда же была вызвана рота плохого капитана. Когда доложили М. В., что роты готовы, онъ предложилъ комиссіи, отправиться въ поле осмотрѣть роты, которыя продѣлали всѣ одинаковыя построенія. Роты были отпущены домой, и ген. Алексѣевъ предложилъ комиссіи тутъ же высказать свои впечатлѣнія о видѣнномъ. Всѣ, за исключеніемъ 3-хъ членовъ—(командира полка, командира бригады и начальника дивизіи этого капитана), нашли роту плохого капитана лучшей изъ всѣхъ представленныхъ. Тогда ген. Алексѣевъ сказалъ: „Всякіе разговоры излишни, вы, господа, сами исправили аттестацию капитана“, и капитанъ былъ аттестованъ отлично вмѣсто того, чтобы быть уволеннымъ.

Въ 1911 году, въ августѣ мѣсяцѣ, ген. Алексѣевъ чуть не погибъ, возвращаясь съ маневровъ: при съѣздѣ съ косогора, его автомобиль, вслѣдствіе небрежности шофера и порчи шины, наскочилъ на телеграфный столбъ и ударившись отскочилъ, пошелъ въ другую сторону и свалился съ трехсаженной высоты въ болото, покрывъ собой генерала и другихъ сидящихъ. По счастливой случайности, вблизи на мельницѣ работали люди, которые прибѣжали и, опрокинувъ автомобиль, вытащили оттуда ген. Алексѣева въ безсознательномъ состояніи. Только благодаря энергичной помощи жены мельника, которая, очистивъ ротъ отъ тины, вызвала рвоту, привели въ чувство генерала и М. В. благополучно былъ доставленъ домой. Еще разъ Господу Богу было угодно спасти его жизнь. Паденіе это прошло безъ всякихъ послѣдствій, но если бы автомобиль не отскочилъ отъ телеграфнаго столба и свалился бы въ ту сторону, гдѣ стоялъ столбъ, то оно было бы смертельнымъ, такъ какъ внизу были сложены кучи бревень.

Передъ началомъ войны въ 1914 г. ген. Алексѣевъ былъ неоднократно вызываемъ на совѣщаніе Высшихъ Военныхъ Чиновъ, какъ человекъ знающій и вполне освѣдомленный; всѣ его мнѣнія высоко цѣнились. На этихъ совѣщаніяхъ предпрѣшались разныя назначенія на случай объявленія войны, и М. В., согласно этому назначенію, при объявленіи войны вступилъ въ должность Начальника Штаба Главнокомандующаго Юго-Западнымъ фронтомъ.

На своемъ новомъ посту генераль Алексѣевъ не былъ новымъ человекомъ, т. к. въ бытность свою Начальникомъ Штаба Киевскаго Военнаго Округа, производя всѣ маневры и полевые поѣздки, былъ уже заранѣе знакомъ съ особенностями Юго-Западнаго фронта. Это быстро сказалось на дѣлѣ. Всѣ австрійскія арміи, брошенныя по направленію кр. Брестъ-Литовска, были встрѣчены должнымъ порядкомъ и, послѣ цѣлаго ряда уорныхъ боевъ, были на голову разбиты. Этимъ ударомъ генераль Алексѣевъ нанесъ австрійцамъ непоправимое пораженіе и открылъ намъ свободное движеніе на Львовъ, Перемышль и Краковъ. Хотя лично ген. Алексѣевъ и не командовалъ войсками, но, внѣ всякихъ сомнѣній, какъ планъ, такъ и руководство всѣми

операциями принадлежать ген. Алексѣву, какъ Начальнику Штаба. За эту операцию Верховный Главнокомандующій В. К. Николай Николаевичъ лично поздравилъ Алексѣва съ производствомъ въ полные генералы и навѣсилъ на его грудь собственный Георгіевскій крестъ 4-ой степени.

Вслѣдъ за первымъ разгромомъ австрійцевъ наши доблестныя войска, руководимыя генераломъ Ивановымъ совместно съ ген. Алексѣвымъ, быстро вошли въ Галицію, взяли Львовъ, осадили Перемышль и подошли къ крѣпости Краковъ.

Послѣ взятія крѣпости Перемышль въ мартѣ 1915 г., ген. Алексѣвъ получилъ назначеніе Главнокомандующимъ Сѣверо-Западнымъ фронтомъ. Съ его уходомъ дѣла на Юго-Западномъ фронтѣ пошли хуже, и всѣ взятая области къ концу 1915 г. опять были уступлены врагу. Сѣверо-Западный фронтъ ген. Алексѣва принялъ далеко не въ должномъ порядкѣ: полки понесли сильныя потери, были ослаблены, утомлены, матеріальная часть была въ отчаянномъ состояніи.

На долю новаго Главнокомандующаго фронтомъ выпала тяжелая задача вывести войска фронта изъ желѣзныхъ объятій нѣмцевъ и австрійцевъ, охватившихъ нашу армію съ фланговъ.

Тяжело было управлять и трудно было сдерживать натискъ противника, отчаянно шедшаго впередъ, не щадя своихъ людей, тѣмъ болѣе, что къ этому времени у насъ оказалось полное отсутствіе снарядовъ. Но войска имѣли вождемъ генерала Алексѣва. Недаромъ же Господь Богъ неоднократно спасалъ его отъ явной гибели, недаромъ генераль Алексѣвъ всю жизнь работалъ на пользу Родины, недаромъ онъ долгое время былъ вмѣстѣ съ солдатами. Умъ, опытъ и неутомимая энергія М. В. спасли въ этотъ критическій моментъ Россію. Онъ сохранилъ боеспособность Русскаго фронта: войска отступили почти всѣ, за исключеніемъ части гарнизона крѣпости Новогеоргіевска, и отступая дрались, какъ львы, отбивая противника, неотступно наседавшаго на нихъ. Въ это тяжелое время ген. Алексѣвъ былъ фактическимъ начальникомъ всего фронта, такъ какъ почти всѣ арміи южнаго фронта были подчинены ему. Заслуги генерала Алексѣва, разбившаго всѣ планы нѣмцевъ—уничтожить нашу армію, своевременно будутъ оцѣнены исторіей.

Операция 1915 г.—одно изъ славныхъ дѣлъ ген. Алексѣва, о чемъ, нисколько не стѣняясь, говорятъ и наши союзники, которые всегда относились къ нему съ глубокимъ уваженіемъ, называя его „Великій Старецъ“. Всѣ военныя операціи наши союзники не предпринимали безъ согласія генерала Алексѣва, и ко всякому мѣшню, высказанному имъ, относились съ большимъ вниманіемъ и уваженіемъ. Въ награду за эту операцію генераль Алексѣвъ получилъ отъ главъ иностранныхъ государствъ высшія военныя награды—это лучший показатель оцѣнки его дѣятельности.

Въ августѣ 1916 г. генераль Алексѣвъ былъ назначенъ Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и сдѣлался фактическимъ руководителемъ всей Русской арміи. Тогда-то и началась та незамѣтная тяжелая работа въ арміи, называемая реорганизацией. Необходимо было пополнить части, снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ, вооружить, заготовить снаряды, патроны и все прочее, и это все было сдѣлано М. В.

Что было сдѣлано за это время, я не буду перечислять, такъ какъ перечисленіе всѣхъ распоряженій не входитъ въ задачу настоящей работы, но не могу не отмѣтить, что къ срединѣ 1916 г. Русская армія была доведена до такой численности и до такой высоты обученія, какого она никогда не достигала. Былъ окончательно выработанъ планъ наступленія совместно съ союзниками и назначено на 9 апрѣля 1917 г. Всеобщее наступленіе грозило сломить нашихъ враговъ.

За періодъ исполненія обязанности Начальника Штаба Верховнаго Глав-

нокомандующаго генераль Алексѣевъ былъ награжденъ орденомъ Бѣлаго Орла, Владимира 2-й степени и званіемъ генераль-адъютанта. О назначеніи генерала Алексѣева генераль-адъютантомъ необходимо отмѣтить слѣдующій случай, характеризующій скромнаго и справедливаго М. В. Дѣло было такъ: 5 декабря 1915 г. государь императоръ, прослушавъ докладъ М. В., сказалъ ему: „Михаилъ Васильевичъ, мнѣ очень пріятно пожаловать Вамъ званіе генераль-адъютанта, и я поздравляю Васъ съ этимъ назначеніемъ“. На это генераль Алексѣевъ, поклонившись государю императору, отвѣтилъ: „очень благодаренъ Вамъ, Ваше Величество, за особую милость, очень цѣню эту награду, но принять ее не могу“. Государь былъ очень пораженъ такимъ небывалымъ отказомъ и, отступивъ назадъ отъ генерала Алексѣева, спросилъ: „почему?“ На это генераль Алексѣевъ твердо повторилъ: „я очень цѣню эту награду, но считаю, что моя служба не заслуживаетъ такой высокой награды, и я не считаю возможнымъ принять ее до тѣхъ поръ, пока всей арміи въ цѣломъ не будутъ даны милости Величества: она доблестно бьется съ врагомъ, безропотно переноситъ всѣ тяготы войны и вполне заслуживаетъ особыхъ наградъ. Иначе всѣ скажутъ, что вотъ Начальникъ Штаба самъ получаетъ награды, а обь арміи не думаетъ. Ваше Величество, еще разъ прошу: надо наградить всю армію“.

Государь императоръ былъ сильно пораженъ и молча ушелъ къ себѣ. Ближайшимъ сотрудникамъ весь этотъ разговоръ былъ въ общемъ извѣстенъ, и всѣ думали, что генерала Алексѣева постигнетъ немилость, но государь, хотя въ первое время и былъ холоденъ въ обращеніи къ генералу Алексѣеву, все-же относился къ нему, какъ казалось ближнимъ, болѣе внимательно и съ большимъ уваженіемъ.

Вскорѣ были проведены приказомъ разныя милости и права за участія въ войнѣ 1914—1916 г. Назначеніе генераль-адъютантомъ послѣдовало только въ 1916 году въ Страстную Субботу при слѣдующихъ обстоятельствахъ: днемъ въ субботу государь императоръ слушалъ докладъ генерала Алексѣева и затѣмъ ушелъ къ себѣ. Около 6 часовъ вечера изъ дворца вышелъ государь императоръ съ однимъ конвойнымъ казакомъ, который несъ небольшой свертокъ, и направился къ штабному флигелю. Время было необычное, и дежурный офицеръ, предупрежденный казакомъ, бросился внизъ по лѣстницѣ для встрѣчи и едва не сбиль съ ногъ государя, который уже поднимался по лѣстницѣ. Государь прошелъ въ служебный кабинетъ генерала Алексѣева, гдѣ генераль Алексѣевъ просматривалъ вечернюю почту, и, обращаясь къ нему, сказалъ: „теперь, Михаилъ Васильевичъ, я не принимаю никакихъ отговорокъ и прямо назначаю Васъ своимъ генераль-адъютантомъ, Вы вполне это заслужили“, и, передавъ генералу Алексѣеву свертокъ, въ которомъ, какъ потомъ оказалось, были генераль-адъютантскіе погоны и аксельбанты, повернулся и ушелъ къ себѣ во дворецъ. На Пасхальной Заутрени генераль Алексѣевъ былъ въ формѣ генераль-адъютанта, что доставило государю большое удовольствіе, которое онъ и высказалъ. Михаилу Васильевичу, христосуясь съ нимъ. Тяжелая работа и постоянное напряженіе нервовъ, періодическое недосыпаніе сломило желѣзное здоровье Михаила Васильевича, и въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1916 г. онъ тяжело заболѣлъ. Болѣзнь затянулась, и онъ былъ уволенъ въ отпускъ въ Севастополь, въ Морское Собраніе, гдѣ и былъ помѣщенъ. Тутъ-же былъ проведенъ прямой телеграфный проводъ, и онъ, лежа въ кровати, былъ постоянно въ курсѣ дѣла и могъ непосредственно подавать въ Ставку свое мнѣніе о дѣйствіяхъ арміи.

Обращаясь опять назадъ, я не могу не указать на ту простоту, на ту заботливость, которую всегда проявлялъ генераль Алексѣевъ по отношенію къ своимъ подчиненнымъ и къ тѣмъ, кто съ нимъ соприкасался. По назначеніи его Начальникомъ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, ему пришлось сталкиваться не только съ военными, но и съ гражданскими чинами

и съ общественными дѣятелями, и всё уходило отъ него вполне удовлетворенными, поражаясь его обширными познаніями, глубинѣ ума и простотѣ. Не будучи никогда свѣтскимъ человѣкомъ и не умѣя льстить, ген. Алексѣевъ и въ кругу придворныхъ сумѣлъ поставить себя внѣ всякихъ интригъ. Всѣ попытки лицъ, непричастныхъ къ военному командованію, пытавшихся проникнуть въ тайны нашихъ плановъ, даже попытки со стороны высокихъ особъ встрѣчали въ ген. Алексѣевѣ грозную молчаливую крѣпость, о которой онѣ разбивались; это вызвало понятное неудовольствіе со стороны этихъ лицъ.

Приведу одинъ случай: митрополитъ Иннокентій пріѣхалъ въ Ставку специально узнать о нашихъ военныхъ планахъ и послѣ обычныхъ вступленій спросилъ ген. Алексѣева: какъ идутъ наши дѣла и какіе предположенія и планы есть, въ ближайшемъ будущемъ, что готовить предпринять наша армія. Ген. Алексѣевъ отвѣтилъ: „Ваше высокопреосвященство, Васъ, какъ лицо духовное, не могутъ интересовать наши военные дѣла, а потому лучше не будемъ о нихъ говорить“, и этимъ самымъ положилъ конецъ разспросамъ.

Внезапно нахлынувшая волна революціи, отреченіе императора и послѣдовавшее затѣмъ разложеніе арміи, произведенное агентами Вилгельма—Ленинымъ и его присными, перевернуло всё предназначенія генерала Алексѣева, и наступленіе, назначенное на 9 апрѣля, не могло состояться.

Оставшись послѣ революціи, по предложенію Временнаго Правительства Верховнымъ Главнокомандующимъ генералъ Алексѣевъ тщетно старался остановить разложеніе, тщетно старался воспрепятствовать пропагандѣ социалистовъ и прочей дряни, старавшихся надѣ разложеніемъ арміи и тѣмъ самымъ разваливавшихъ Великую Россію. Увидѣвъ, что, несмотря на всё старанія, остановить развалъ арміи ему не удастся, и не желая быть игрушкой въ рукахъ солдата, онъ просилъ освободить его отъ обязанности Верховнаго Главнокомандующаго и уволить въ отставку и послѣ продолжительныхъ просьбъ былъ назначенъ въ распоряженіе Временнаго Правительства—дабы оно могло всегда пользоваться его большимъ опытомъ и познаніями на благо Родины, какъ говорилось въ приказѣ о его назначеніи. Уйдя съ своего поста и удалившись въ Смоленскъ, генералъ Алексѣевъ не могъ бросить своего дѣла окончательно и продолжалъ слѣдить за фронтами. Штабъ осведомлялъ его о всѣхъ распоряженіяхъ.

М. В. Алексѣевъ, какъ истинный сынъ своей Родины, глубоко страдалъ, предвидя неминуемый развалъ Россіи, и всячески старался, не надѣясь на солдатъ, спасти ее. Онъ создалъ тогда же офицерскій союзъ, думая сплотить въ этомъ союзѣ всѣхъ офицеровъ, которые могли бы дать своевременный отпоръ наглой бандѣ, захватившей власть въ свои руки.

Но Совѣты, видя въ ген. Алексѣевѣ главнаго своего врага, зная его популярность въ арміи, его способности и его настойчивость, всячески старались парализовать его дѣйствія и настояли на роспускѣ офицерскаго союза. Когда въ Москвѣ собрались общественные дѣятели, въ томъ числѣ и ген. Алексѣевъ, какъ представитель отъ офицеровъ, ген. Алексѣевъ громко и безъ всякой боязни указалъ на тѣ язвы, которыя разъѣдаютъ Россію, и, несмотря на крики, брань и угрозы со стороны крайнихъ лѣвыхъ, высказалъ всю правду Государственному Совѣщанію. Рѣчь его произвела сильное впечатлѣніе на всю Россію, но ничего существеннаго не сдѣлала: слишкомъ были заманчивы обѣщанія лѣвыхъ; революція въ то время справляла свой медовый мѣсяцъ. Рѣчь эта напечатана въ 100.000 количествѣ для распространенія по всей землѣ Русской.

Борясь всѣми силами съ наступающей разрухой въ арміи, Алексѣевъ не былъ одинъ; многіе изъ высшихъ чиновъ были его единомышленниками: въ числѣ ихъ былъ и генералъ Корниловъ, который въ августѣ 1918 г. послѣ Тарнопольскаго разгрома былъ назначенъ Верховнымъ Главнокоманду-

ющимъ. Какъ извѣстно, генераль Корниловъ громко потребовалъ возстановленія дисциплины и правъ офицеровъ и обязательнаго продолженія войны до побѣднаго конца, причемъ, съ согласія Предсѣдателя Совѣта министровъ — Керенскаго, съ цѣлью добиться перемѣны правительства, двинулъ кавалерійскіе полки на Петроградъ; Керенскій, испугавшись въ послѣднюю минуту и не желая разставаться съ властью, измѣнилъ Корнилову и объявилъ его „измѣнникомъ“. Для ликвидаціи возможной гражданской войны былъ спѣшно вызванъ въ Петроградъ Алексѣевъ, на котораго въ дорогѣ „товарищи рѣшили устроить покушеніе: поѣздъ направить на полномъ ходу въ тупикъ. Только указаніе, что ген. Алексѣева вызываетъ Керенскій, остановило преступленіе, и генерала благополучно доставили въ Петроградъ.

Въ Петроградѣ ген. Алексѣевъ принялъ участіе въ переговорахъ о созданіи новаго кабинета, во главѣ котораго предположено было поставить его съ диктаторскими полномочіями, но Керенскій колебался и, получивъ во время засѣданія телеграммы отъ ген. Щербачева и Пржевальскаго о томъ, что они съ войсками стоятъ на сторонѣ Временнаго Правительства, отказался сложить съ себя власть и остался на своемъ посту. Корниловъ, а вмѣстѣ съ нимъ генераль Деникинъ и нѣсколько другихъ генераловъ, были объявлены „мятежниками“ и арестованы.

Для окончательной ликвидаціи дѣла былъ назначенъ ген. Алексѣевъ, послѣ долгихъ колебаній рѣшившій принять временно должность Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго, которымъ провозгласилъ себя все тотъ же негодяй — Керенскій. Получивъ большія полномочія, ген. Алексѣевъ убѣдилъ Корнилова сдать командованіе и съ большимъ трудомъ сдержалъ революціонныя полки „товарищей“, стремившихся вызвать вооруженное столкновеніе и силой захватить Корнилова и его единомышленниковъ для немедленной расправы съ ними.

Корниловъ, послѣ сложенія своихъ полномочій, былъ препровожденъ въ Быховъ подъ конвоемъ своихъ вѣрныхъ текинцевъ, и, только отправивъ его въ Быховъ, ген. Алексѣевъ сталъ спокоенъ, что теперь Корнилову не грозитъ никакая опасность. Правительство отказало въ средствахъ на содержаніе Текинскаго конвоя, находя, что конвой можетъ быть отъ обыкновенныхъ войскъ. Генераль Алексѣевъ отлично понималъ, что при охранѣ этихъ лицъ обыкновенными войсками и при той озлобленности, которую проявляли многія лица и даже части войскъ, такая охрана была бы очень ненадежна и настоялъ на оставленіи въ охранѣ вѣрныхъ Текинцевъ, съ большимъ трудомъ добывъ на содержаніе ихъ деньги. Затѣмъ надо было спасти Деникина и его единомышленниковъ, и ген. Алексѣевъ употребилъ всю свою энергію, свой авторитетъ, чтобы добиться у правительства назначенія обыкновеннаго слѣдствія и суда, не отдавая этого дѣла въ руки фронтовыхъ судовъ, исключительно состоявшихъ изъ „товарищей“, будучи глубоко убѣжденъ, что при законномъ слѣдствіи и на судѣ никакой вины за ними не найдутъ. Особенно большой опасности подвергался ген. Деникинъ и другіе, такъ называемая Бердичевская группа. Вина Деникина была въ томъ, что онъ открыто заявилъ, что вполне раздѣляетъ взглядъ ген. Корнилова. Будучи изолированъ въ Бердичевѣ отъ Корнилова и другихъ, Деникинъ подвергался опасности быть осужденнымъ не общимъ Россійскимъ судомъ, а только фронтовымъ судомъ, во главѣ котораго стоялъ комиссаръ Іорданскій, добивавшійся во что бы то ни стало быстро суда надъ ген. Деникинымъ. Очевидно, ему угрожала смертная казнь. Таковымъ приговоромъ предрѣшили и судьбу ген. Корнилова. Много пришлось хлопотать ген. Алексѣеву лично передъ Временнымъ Правительствомъ, доказывать всю необоснованность требованій комиссаровъ Южнаго фронта; за помощью онъ обращался къ общественнымъ дѣятелямъ, призывалъ прессу открыто выступить на защиту невинныхъ и отстоять ихъ, и, наконецъ, послѣ долгихъ хлопотъ удалось добиться назна-

ченія общаго слѣдствія и общаго суда, а ген. Деникина и его единомышленниковъ перевести въ Быховъ. Глубоко вздохнулъ и перекрестился ген. Алексѣевъ при полученіи извѣстій, что группа арестованныхъ во главѣ съ ген. Деникинымъ прибыла въ Быховъ. Теперь онъ былъ спокоенъ: жизнь этихъ борцовъ за Родину находилась въ полной безопасности—вѣрные текинцы никогда и никому ихъ не выдадутъ.

Добившись слѣдствія надъ арестованными генералами и обезпечивъ ихъ отъ дикаго самосуда, М. В. немедленно сложилъ съ себя званіе Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго и удалился въ Смоленскъ. Будучи выбранъ Офицерскимъ Союзомъ представителемъ въ такъ называемый Россійскій предпарламентъ, ген. Алексѣевъ 7 октября прѣхалъ въ Петроградъ, гдѣ и принималъ участіе въ засѣданіяхъ предпарламента. Октябрьскій переворотъ и захватъ власти большевиками засталъ его въ Петроградѣ. Въ день переворота онъ пришелъ въ Маріинскій дворецъ на засѣданіе, но дежурный офицеръ его не впустилъ, требуя, чтобы онъ скрылся, иначе его арестуютъ. Генераль Алексѣевъ нехотя ушелъ. Едва онъ вышелъ на улицу, какъ за нимъ бросились матросы съ цѣлью его арестовать, но уже не нашли его. Нашлись люди, которые силой увели его, переодѣли въ штатское платье и отправили въ Новочеркасскъ, куда онъ и прибылъ въ началѣ ноября. Здѣсь немедленно принялся онъ за работу надъ созданіемъ арміи для борьбы съ большевиками и возстановленія Россіи.

2 ноября генераль Алексѣевъ обнародовалъ свое письмо къ офицерамъ, звалъ ихъ на Донъ соединиться, создать армію и идти освобождать Россію отъ захвата „большевиковъ“. На его призывъ отозвались немногіе кадровые офицеры и самая юная молодежь—юнкера и кадеты. Такихъ бойцовъ набралось въ первый моментъ человекъ 200, но не было абсолютно никакихъ денегъ, и Михаилъ Васильевичъ отдалъ свои послѣднія деньги, около 400 рублей; это былъ первый даръ на возсозданіе нашей Родины, даръ, какъ знаменитая лепга вдовицы, данная отъ чистаго сердца. Стали также поступать пожертвованія деньгами и вещами; много помогъ Войсковой атаманъ генераль Калединъ, одолживъ довольно крупную сумму и оказывая, въ чемъ только могъ, содѣйствіе новой арміи. Вотъ эти-то 200 человекъ и 400 рублей и составили ядро будущей Добровольческой Арміи. Но правду говорятъ: „лиха бѣда—начало“. Такъ и въ данномъ дѣлѣ, по призыву генерала, всѣми любимаго и уважаемаго, со всѣхъ концовъ Россіи шли офицеры, переодѣтые, крѣдучись, такъ какъ совѣтскія власти принимали всѣ мѣры, чтобы не допустить сосредоточенія ихъ у Алексѣева, ясно сознавая, что впоследствии эти офицеры составятъ грозную силу.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ прибылъ въ Новочеркасскъ генераль Корниловъ, который по соглашенію съ генераломъ Алексѣевымъ принялъ на себя командованіе Добровольческой Арміей, потомъ прибылъ генераль Деникинъ. Романовскій, Эрдели, Марковъ и др. Горсть этихъ людей, вдохновляемая великимъ патриотомъ генераломъ Алексѣевымъ и воодушевляемая горячей любовью къ Родинѣ, организовала отрядъ, который къ концу 1917 года представлялъ единственную реальную силу на Дону для борьбы съ большевиками. Генераль Алексѣевъ оставилъ себѣ Верховное руководство Добровольческой Арміей и тѣми дѣлами, которыя при развитіи дѣла впоследствии преобразованы были въ Особое Совѣщаніе. Хотя Добровольческая Армія и была сильна духомъ своихъ бойцовъ, но что могла сдѣлать эта горсть храбрцевъ безъ оружія, безъ денегъ и даже при явно недоброжелательномъ отношеніи мѣстныхъ жителей, съ громадными полчищами большевиковъ, прекрасно вооруженными, опыненными успѣхами революціи, разгульной жизнью и легкой наживой. Толпа видѣла въ добровольцахъ ярыхъ „контръ-революціонеровъ“, своихъ прямыхъ враговъ и, понятно, напрягала всѣ усилія уничтожить ихъ. Сдѣлать это было далеко не легко. Во главѣ добровольцевъ стояли лучшіе

люди Россіи, пламенные патриоты и испытанные военные вожди и генералы Алексѣевъ, Корниловъ, Деникинъ и др. Они, противопоставивъ этой дикой толпѣ свой умъ, опытъ и горячую любовь къ Родинѣ, зажгли искру и д жды въ сердцахъ своихъ единомышленниковъ, дали имъ вѣру въ восстановление поруганной Родины. Искра эта разгорѣлась и выросла въ большое пламя, которое теперь погасить уже не въ состояніи никто. Но въ февралѣ мѣсяцѣ 1918 г. добровольцы переживали тяжелые дни во главѣ со своимъ Верховнымъ вождемъ Алексѣевымъ и Главнокомандующимъ Корниловымъ; они, не будучи въ состояніи бороться на Дону, вышли изъ Ростова въ степь, поставивъ себѣ задачей пробраться въ Екатеринодаръ, гдѣ еще не было советской власти.

Передавъ всю полноту власти въ дѣлѣ командованія войсками, Михаилъ Васильевичъ, однако, не упускалъ ни одного момента изъ боевой жизни арміи и при первыхъ выстрѣлахъ всегда находился въ боевой лини, подчасъ даже ранѣе генерала Корнилова. Эти наблюденія были для Мих. Васил. необходимы,—онъ всегда былъ въ курсѣ дѣла и въ каждый моментъ могъ придти своими совѣтами на помощь. На всѣхъ совѣщаніяхъ Михаилъ Васильевичъ являлся уже вполне освѣдомленнымъ и потому всѣ его совѣты были цѣнны.

Генераль Алексѣевъ оставилъ за собой Верховное Руководительство Добровольческой Арміей и занялся созданіемъ органовъ власти, которые вылились потомъ въ особое совѣщаніе. Тяжело было. Армія не имѣла ни обмундированія, ни оружія, ни снарядовъ, ни денегъ. Вообще, это была кучка людей, выброшенная игрою судьбы въ степь и, казалось бы, она должна погибнуть. Одно, что въ ней было—это глубокая вѣра въ свое правое дѣло и горячая любовь къ своей гибнущей Родинѣ; но надо помнить, что во главѣ арміи стоялъ генераль Алексѣевъ, человекъ большого ума, съ твердой волей и непоколебимой вѣрой въ конечную побѣду. Много было положено труда и ума на это дѣло, и армія изъ маленькой кучки выросла въ грозную армію. Изыскивая средства добыванія всего необходимаго для арміи, невольно пришлось рѣшать вопросъ: отъ кого просить помощи, такъ какъ сама армія, не имѣя ни запаговъ, ни заводовъ, а также и денегъ, не могла самостоятельно сдѣлать свое дѣло. Нужна была помощь. Но отъ кого? Могли помочь нѣмцы—и они охотно шли на это и могли снабдить армію всѣмъ необходимымъ и въ самый короткій срокъ. Могли, и даже должны были, помочь наши союзники, но они сами находились въ критическомъ положеніи, такъ какъ нѣмцы, разваливъ Россію, перебросили всѣ свои войска на Западный фронтъ и союзники еле-еле сдерживали натискъ ихъ. Генераль Алексѣевъ, не колеблясь, отвергъ мысль о помощи нѣмцевъ, помня, что только благодаря нѣмцамъ Россію постигло такое несчастье, и нѣмцы даромъ ничего не сдѣлаютъ, придется опять несчастной Родинѣ попасть въ кабалу къ нѣмцамъ, и это предательство Родины Русскій народъ никогда не проститъ ему. Остается только одинъ выходъ—просить у союзниковъ помощи, и онъ немедленно вошелъ съ ними въ сношеніе. Интересно знать, какой взглядъ имѣлъ генераль Алексѣевъ на отношенія къ нашимъ союзникамъ. Это лучше всего выразилось въ словахъ генерала при отправленіи своего адъютанта Ш—а съ письмами къ союзникамъ: „Прошу Васъ хорошенько усвоить мой взглядъ и твердо передать нашимъ союзникамъ, что вы являетесь къ нимъ не какъ захудалый родственникъ за поначкой, а какъ посоль Россіи, и что вы являетесь не просить, а требовать немедленной помощи; скажите имъ, что если они теперь не помогутъ намъ въ борьбѣ съ большевиками, то они сами погибнуть отъ нихъ. Еще разъ повторяю вамъ, что это вы должны сказать твердо. Если вы этого сдѣлать не сможете, то лучше ничего не говорите, а только передайте эти письма“. Вотъ какой былъ взглядъ у генерала Алексѣева, и этотъ взглядъ вполне

раздѣляютъ наши союзники, которые въ настоящее время помогаютъ намъ безъ всякихъ обязательствъ.

Труденъ былъ походъ, много лишеній было пережито, много полегло лучшихъ людей, но эта маленькая горсть людей не уменьшалась и, постепенно двигаясь, все увеличивалась и увеличивалась, какъ комъ снѣга. Они крѣпли духомъ, усиливались оружіемъ, и даже въ душахъ колеблющихся людей крѣпла вѣра въ конечную побѣду. Я не буду описывать всѣ тяжести похода героической Добровольческой Арміи, но скажу, что этимъ походомъ было выиграно время, за которое произошло отрезвленіе массъ, и конечнымъ результатомъ было возстаніе казаковъ Донской, Кубанской и Терской областей, не выдержавшихъ совѣтскаго управленія. Къ концу лѣта 1918 г. произошло очищеніе отъ большевиковъ Кубанской, Донской, отчасти Терской областей и Ставропольской губерніи. Въ августѣ были заняты Екатеринодаръ, а затѣмъ и Новороссійскъ, и Добровольческая Армія съ Верховнымъ Вождемъ получила настоящую базу. Прибывъ въ Екатеринодаръ, генераль Алексѣевъ приступилъ немедленно къ созданію государственной власти: было создано Особое Сѣвѣщаніе, въ составъ котораго вошли всѣ отдѣлы внутренняго управленія (министерства). М. В. вошелъ въ фактическое соглашеніе съ союзниками, отъ которыхъ добился помощи деньгами, снаряженіемъ, а главнымъ образомъ,—оружіемъ. Работа шла успѣшно. „Послѣднее дѣло на землѣ“—какъ называлъ М. В. свою дѣятельность по созданію Добровольческой Арміи, стало на прочный фундаментъ. Много пришлось положить труда на отраженіе посягательствъ со стороны самостійныхъ государствъ, которыя, какъ грибы, повисли при развалѣ власти въ Россіи. Въ генераль Алексѣевѣ они встрѣтили твердый отпоръ,—въ его умѣ и въ его душѣ было только одно: Великая, Единая, Недѣлимая Россія. Домогательства эти отняли у него много здоровья, и во время одного засѣданія съ Грузинскою делегаціей генераль Алексѣевъ простудился, заболѣлъ воспаленіемъ легкихъ,—и не стало лучшаго изъ лучшихъ Сыновъ нашей бѣдной, изстрадавшей Родины.

25 сентября генераль Михайль Васильевичъ Алексѣевъ, Верховный Руководитель и Основатель Добровольческой Арміи, скончался отъ воспаленія легкихъ.

Главнокомандующій Добровольческой Арміей генераль А. И. Деникинъ, въ горестный день его кончины, почтилъ память покойнаго слѣдующимъ приказомъ:

„Сегодня окончилъ свою полную подвига, самоотверженія и страданія жизнь генераль Михайль Васильевичъ Алексѣевъ.

Семейныя радости, душевный покой, всѣ стороны личной жизни онъ принесъ въ жертву служенія Отчизнѣ.

Тяжелая лямка строевого офицера, тяжелый трудъ, боевая дѣятельность офицера Генеральнаго Штаба, огромная по нравственной отвѣтственности работа фактическаго руководителя всѣми вооруженными силами русскаго государства въ Отечественную войну—вотъ его крестный путь. Путь, озаренный кристаллическою честностью и горячей любовью къ Родинѣ—и великой, и растоптанной.

Когда не стало арміи и гибла Русь, онъ первый поднялъ голосъ, кликнулъ кличъ русскому офицерству и русскимъ людямъ.

Онъ же отдалъ послѣднія силы свои созданной руками его Добровольческой Арміи. Переноса и травлю, и непониманіе, и тяжелыя невзгоды страшнаго похода, сломившаго его физическія силы, онъ съ вѣрою въ сердце и съ любовью къ своему дѣтищу шелъ съ нимъ по тернистому пути къ за вѣтной цѣли спасенія Родины.

Богъ не судилъ ему увидѣть разсвѣтъ.

Но онъ близокъ!

И рѣшимость Добровольческой Арміи продолжать его жертвенный подвигъ до конца—пусть будетъ дорогимъ вѣнцомъ на свѣжую могилу Собирателя Русской Земли!

Миръ праху твоему, Великій сынъ Великой Россіи!

Ты не дождался полного возстановленія своей Родины, но ты уже видѣлъ зарю возрожденія Россіи.

Ты умеръ, но сѣмя, брошенное тобой, даетъ уже обильный урожай, и завѣты твои, переданные въ руки генерала Деникина, будутъ точно выполнены.—они въ надежныхъ рукахъ.

Вся Русь уже проснулась отъ тяжелаго кошмарнаго сна, она еще не вполне пришла въ себя, но еще немного, и снова она будетъ Едина: уже вспыхнули повсемѣстныя возстанія противъ большевиковъ, и отовсюду протягиваются руки за помощью къ созданной тобой Добровольческой Арміи.

И недалекъ тотъ моментъ, когда соединенныя силы Юга Россіи адмирала Колчака и генерала Юденича войдутъ въ Москву—сердце Россіи и колокольнымъ звономъ Ивана Великаго возвѣстятъ всему Русскому народу о воскрешеніи Россіи—*Россіи Великой и Небѣлимой!*

Русскій народъ вспомнитъ тебя, ты—рецъ Добровольческой Арміи, вознесетъ тебя, Великій Сынъ своей Родины, и память о тебѣ заповѣдуетъ хранить на вѣчныя времена изъ рода въ родъ, отъ потомковъ къ потомству!

Ф. Кирилинъ.